

Щедрая душа актера

В числе непридуманных историй о том, как Котэ Марджанишвили открывал и создавал актера — Ушанги Чхеидзе, Тамару Чавчавадзе и многих других, — одна из интереснейших — о Георгии Шавгулидзе.

Это было в тот период творчества Марджанишвили, когда режиссер работал в Кутаисском драматическом театре. Как-то он увидел: какие-то смельчаки с высокого моста прыгают в бурные воды Риони. Один из них — юноша с мужественным лицом, красивыми, пластичными движениями — обратил на себя его внимание. «Не хочешь ли ты работать в театре?» — остановил он его. «Да, очень», — ответил тот, не колеблясь.

Потом первая «роль» служки в «Уриель Акоста», волнение настолько сильное, что все вокруг — зал, зрители, сцена, партнеры — виделось в тумане, только свеча, дрожащая в руке, напоминала о реальности происходящего. И, может быть, спасло странное чувство, что он — самый главный в спектакле.

«Из него получится актер», — говорил К. Марджанишвили.

В скором времени это доказали две колоритные, острохарактерные комедийные роли — кинто в «Затмении солнца в Грузии» З. Антонова и Хари-

тона в «Свадьбе колхозника» П. Какабадзе, сыгранные в театре имени К. Марджанишвили. Здесь щедро сверкал самобытный талант актера, одаренного художественной интуицией, вкусом, подлинным артистизмом.

Но неожиданно открылись в Георгии Шавгулидзе новые черты. Часто болел Ушанги Чхеидзе и Георгию Шавгулидзе предложили заменить его сначала в «Страхе» А. Афинского, а затем в «Гоп-ля, мы живем!» Э. Толлера. И все удивились большой трагедийной силе и глубине его дарования.

Те, кто помнит эти образы, созданные актером и кто видел его позднее в роли Цезаря в «Антонии и Клеопатре», мог убедиться в глубокой внутренней преемственности этих ролей. Цезарь в исполнении Г. Шавгулидзе — это могучий колосс, властный, мужественный и тонко чувствующий человек. Этот характер, как будто высечен из глыбы резцом мастера.

Недаром, когда в этой роли Георгия Шавгулидзе увидел на гастролях в Батуми один из ведущих актеров Центрального театра Советской Армии С. Сомов, он с восхищением рассказывал в Москве своим коллегам о таком радостном для каждого: открытии большого грузинского актера,

Тогда Сомов посмотрел все спектакли с участием Г. Шавгулидзе.

Но, к сожалению, когда театр имени Марджанишвили выступал на Декаде в Москве, Г. Шавгулидзе был занят в одном лишь спектакле — «Маринэ», в роли Кохта, в которой он не мог полностью раскрыть своих возможностей. Сегодня, в день пятилетия со дня нелепой гибели Георгия Шавгулидзе, мы вспоминаем об этом актере как о большом художнике.

Георгий Шавгулидзе всегда мечтал о значительной роли, такой, которая стала бы событием не только для него, но и для его театра, роли, в которой бы ощущался пульс времени и биение его собственного сердца. Его мечтой было сыграть Дон-Кихота, шекспировские характеры и, конечно, своего современника.

Г. Шавгулидзе много играл в кино. Он хорошо знаком зрителю по фильмам «Кето и Котэ», «Георгий Саакадзе», «Давид Гурамшвили», «Весна в Сакене», «Счастливая встреча». И, наконец, «Случай на плотине» («Приговор»), в котором 2.200 метров пленки были сняты без него с пятью дублерами, как рассказал режиссер фильма Л. Хотивари. Он говорил еще о том, что этот актер обладал даром полного перевоплощения, редкой

самоотдачи. Ему стоило указать на одну лишь деталь, и он на следующей репетиции уже лепил законченный образ, правдивый и жизненный.

О том же с восхищением говорил известный режиссер Л. Варпаховский, который вместе с Н. Санишвили должен был ставить фильм «Они спустились с гор».

— Я помню, как на репетиции мимо меня с каким-то отрешенным видом прошел Георгий Шавгулидзе, едва поздоровавшись. Мне показалось это странным, и я недоуменно смотрел ему вслед. Он шел по дороге, вьющейся между склонами. И что-то чужое появилось в его походке, спине, движениях. Когда он повернул обратно, его лицо показалось мне незнакомым, а вблизи я увидел, что этот цветущий, мужественный молодой человек, не прибегая к гриму, стал стариком. Так поразительно умел работать над собой, вживаться в роль этот актер.

Казалось, что Г. Шавгулидзе, неугомонный, непоседливый, любивший постоянно общество друзей, не умел по-настоящему работать. На самом деле он работал много, упорно, с полной самоотдачей раскрывая на сцене то, что накоплено в мучительные и счастливые минуты творческого озарения.

Л. ЭЛИАДЗЕ.

ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ
г. Тбилиси

1 3 АПР 1964